

Exodus

Юрий Прокуряков

Юрий Проскуряков

Exodus

«Издательство «Перо»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Проскуряков Ю. Г.

Exodus / Ю. Г. Проскуряков — «Издательство «Перо», 2026

ISBN 978-5-00289-209-9

«Что значит слово «Exodus», ставшее названием поэтического сборника Юрия Проскурякова? В переводе с латинского слово означает — «исход» (массовый отъезд, переселение, отток). В свою очередь, на Руси, согласно «Русской Правде», поток означал конфискацию имущества, высшая мера тогдашнего наказания, наряду с изгнанием. Исходя из данного словарного ряда и авторской судьбы поэта известного, по не избалованного книгами, можно было бы представить этот сборник как в какой-то степени фиксирующий («итоговый»), в перспективе не столько географических переселений или лишений, сколько перехода в сугубо литературное существование...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00289-209-9

© Проскуряков Ю. Г., 2026
© «Издательство «Перо», 2026

Содержание

Поэт в законе или Последний эйс	7
Никому об этом не говори	15
Когда устанет вечер и умрет	17
В мире иллюзорно-диловинном	18
Протянул руку и спугнул птицу	19
Через стекло я выпал на балкон	20
Мертвая вода чувств	22
Жизнь это музыки нестерпимый ход	23
Ты вышла тусклый свет мелькал	24
Последний день зимы обнял меня пургой	25
Все кончится очень скоро	26
На этой планете струи тьмы	27
Так хорошо не видеть не дышать	28
Чувств холод преодолеть в смерть	29
Все просто сегодня идет дождь	30
В этом мире никто не умеет любить	31
Мрамор руки в культурном слое	32
Снег один снег	33
В горелку любви бросил стихи	35
Два блеска	36
Янтарь в песке	37
Никто не знает остановки часов	39
Эту птицу отнесло от стаи	40
Из зеркала в пространство посмотри	41
Тело на площади чудес	42
Войду в тебя на каждой полке книг	43
Озеро обман зеркала	44
После выстрела отдает ствол	45
Упал апельсин в рассвет	46
Лета и ни куку	47
Кривым зеркалом озеро встает с колен	48
Шельфа акулья пасть	49
Патоку на телевизор	50
Праздничные фанфары	51
Московский год начинается с панихид	53
Сегодня ты последний панк-рок	54
Надежда это слабость когда не стоишь на ногах	55
Я шел к тебе в брэнчании гитар	56
Ты нумидийский алмаз в горах атласа	58
Бандерильей заколола пучок волос	59
Когда падаешь в могилу отчаяния	60
Поставят выпить закусить	61
Смотреть на силуэт гор	62
Медленнее чем смерть во время соития	63
Любовь это не для земли	64
Плачь обо мне я река твоих слез	65

Что делается с людьми	66
Океаном цивилизных бурь	67
На сковородке все сошли с ума	68
Человеческие существа на удивление убоги	69
Кто сунулся в жизнь	70
Эта дрожь неизбежного	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юрий Проскуряков

Exodus

© Юрий Проскуряков. Exodus. Стихи. 2026

© Юрий Проскуряков. Рисунки. 2026

* * *

Чаще всего ангел смерти является в образе беглеца, бродяги или нищего со множеством глаз, усердным жнецом или стариком с мечом, с которого стекает яд

Поэт в законе или Последний эйс (Предисловие. А.Люсый)

Что значит слово «Exodus», ставшее названием поэтического сборника Юрия Проскурякова? В переводе с латинского слово означает – «исход» (массовый отъезд, переселение, отток). В свою очередь, на Руси, согласно «Русской Правде», поток означал конфискацию имущества, высшая мера тогдашнего наказания, наряду с изгнанием. Исходя из данного словарного ряда и авторской судьбы поэта известного, но не избалованного книгами, можно было бы представить этот сборник как в какой-то степени фиксирующий («итоговый»), в перспективе не столько географических переселений или лишений, сколько перехода в сугубо литературное существование.

Это обозначение давно и активно используется в разных сферах культуры и бытия во всевозможных смыслах. В процессе становления европейского христианства название переключалось в одну из поэм на уэссекском диалекте древнеанглийского языка так называемого Кодекса Юниуса, получившего название в честь первого издателя, опубликовавшего этот рукописный текст в 1655 году (до этого момента Кодекс носил имя англосаксонского поэта Кэдмона, которому приписывается само авторство). Поэма представляет собой стихотворное переложение 13 и 14 глав библейской Книги Исхода, став при этом классическим образцом раннесредневекового героического религиозного эпоса – Моисей описан, как германский вождь, окруженный «князьями»; хищные птицы и волки пророчат гибель войску фараона.

После долгого перерыва концепт оказался многократно востребован в рок-поэзии 1960-1970-х годов, став названием песен, альбомов, треков, наконец, именем польской симфонической арт-рок группы (1976–1985). Особый тон был в 1979 году задан американской трэш-метал-группой «Exodus» (основательницей самого жанра трэш-металл, привнесшего экстремальную скорость хардкор-панка в традиционную мелодику и ритмическую структуру метала). Пройдя непростую историю становления и развития, группа существует и сейчас, не с ней ли мелькает переключка у самого Юрия Проскурякова?

*сегодня ты последний панк-рок
завтра тебя вяжут за героин
ты быстро забываешь такой урок
в тебе вращается ян и инь*

Хотя лично ему, кажется, ближе предыдущий джазовый исполнительский стиль, чему свидетельствует посвящение Джулии Лондон.

*вот и все и скамья в саду
где японская вишня цвела
луна смешала лепестки и снег
вечно в тебе иду
по острым камням зла
в глубоком сне*

В начале нашего века концепт прижился в медиа-сфере. С одной стороны, это стало именем главного злодея в серии компьютерных игр в пространстве фантастической альтернативной вселенной Ultima, а затем и самими названиями ролевых и синхронных компьютерных игр (аналогом которых предстает приведенное выше четверостишие). С другой – названием

доступной и сейчас программы мгновенного обмена сообщениями (анонимного мессенджера). А стихи Проскурякова и воспринимаются как серия поэтических обменов «рассолом слов, залитых в экранный глаз», обмена разного рода «обыденными» новостями из разных эпох.

*упал апельсин в рассвет
фиолет впитала земля
кумач окрасил гранит скал
так прошли тысячи лет
высохли пирамидальные тополя
Карфаген пал
мы сидели в рассоле слов
залитом в экранный глаз
где неуместен гнев
метрономом покачивался брелок
и вспыхивал в нем
алмаз навсегда уходящих дней*

Неожиданное концептуальное убежище слово получило и в медицине, точнее, в сфере иммунологии. Exodus здесь – это разновидность молекулярных компонентов иммунной системы, способствующих самосохранению организма путем контроля над миграцией ключевых клеток адаптивного иммунитета.

И вот, наконец, как исход исходов, к услугам современника – мобильное приложение Exodus, своеобразный программный кошелек для криптовалют, который позволяет управлять своими цифровыми активами и совершать обмен криптовалют, квинтэссенции текущего символического капитала. Может быть, лучшим русским аналогом названия данной книги было бы – Капитал, поскольку представленные здесь стихостихии в той или иной мере перекликаются со всеми затронутыми выше смыслами, создавая новые? Не является ли это выражением общего стремления цивилизации и культуры к тотальному символическому обмену, смешению, гибридизации посредством фрагментации, начало чему было положено в русском авангарде начала XX века, как это раскрыл немецко-австрийский славист Оге Ханзен-Лёве в книге «Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду» (М.: РГГУ, 2016).

Медиа – любое средство передачи мысли и образа – от «слова как такового» до новейших «карманных» технологий. Данный поэтический сборник – не «итог», а исход из итога в перспективу, сливание символизма и авангарда, поэзии как таковой, в фуршетный по случаю бокал мгновения, не нуждающегося в остановке.

*В мире иллюзорно-дикивинном
в Венеции дожди гнезда не вьют
я не буду в письме электронном
писать я тебя люблю
и это не потому что забыл слова
и ущербный месяц вскрыл грудь
и не потому что надо сливать
в пино гриджио свою грусть*

В совмещенном пейзаже автор, демонстрирующий по ходу дела попутные таланты психотерапевта и рефлексолога, на ощупь отыскивает акупунктуры нового медиапоэтического существования.

*на этой планете струи тьмы
пальцы протягивают мой волос
здесь блуждают звери свёртываясь в мысль
я рисую тушью твой голос
натываюсь на родинки голубых звёзд
ощущаю уколы счастья в точках акупунктур
ты это птицы смятый воздух
в котором растворен авгур
в омуты миндалины воспалённых лун
поворачиваю их темной стороной к стене
испуганные травы друг к другу льнут
когда скользит по ним твоя тень*

Поэт на ощупь собирает мгновения, нащупывая новые единицы временных измерений-падений.

*твой теплый шепоту моего плеча
перематывает время назад
свои бездушные мгновенья
и океан задержит бег волн
все станет загадочным
как это было в детстве
<.....>
ты выжила в одном коротком клипе
чтобы уснуть в заснеженной стране
я выпал из стекла и стоя игрой
чтоб посылать тебе благие вести
в конце концов нам суждено быть вместе
где будет справедливость и покой
<.....>
акробат еще был жив
и пили пиво урки
пробив твой грим и тонкой штукатурки
слою виска он выпал на арбат
в тот миг с тобой мы завернулись в снег
что таял при любом предсмертном всхлипе*

Поэт-стекломастер берет в руки многократно упоминаемый алмаз, посредством которого можно заново мастерскими движениями разделить и пересобирать прозрачные вещи быстрее, чем они выпадут и успеют растаять.

*полной гаммой на палитру упал акрил
в груди начал вращаться алмаз
<.....>
а теперь ты нумидийский алмаз с пластикой нездешних миров
<.....>
земля оселок свой точит
алмазами тополей
хрупкими в холода*

<.....>
*выключи фонарь и напряги глаз
перед тобой в латах трус
резать экран подбери алмаз
и режь не трусь*

Как пишет об экранно-зеркальном искусстве слова у Проскурякова Юрий Милорава: «Как правило, ждешь фурора, и Проскуряков дает такую метафору-фурор, далеко не всегда с начала, а потом не оставляет ее, логически декорирует, делает из нее последовательную линейную цепочку, и в конце набрасывает на нее легкую, но достаточно четкую сюжетную вуаль. При этом флер внезапности-предельности фурора полностью исчезает, мистика включена в мысль и в сюжет, как драгоценный камень точной рукой ювелира, а не как отравленная пропасть, в которой все исчезает. И мы видим в результате на деле – итог, логика, – понятно откуда взята и как построена метафора, сюжетная цепочка замкнулась. Затем следует новый такой же период, и все стихотворение красиво, мастерски сплетено из рациональных рамочных струй. Это изысканная философия, но это не алкоголь, не наркотик, не линейка безумия, не психоделик, не мескалин, который любили сюрреалисты. Это все-таки гораздо более сдержанно.

Вообще у Ю.П. густое обилие метафор переходит в барочность, ненавязчиво прикрытую нужной тонкости сюжетом, все это очень характерно для лучшей рифмованной и традиционной поэзии, когда идет вал риторики, малые паузы, но, если присмотреться к направлению, на которое указывает этот поэтический жест – он указывает на узнаваемость, на ситуативность, описательность, формулирование, однако безупречное по стилю. Это и часто повторяющиеся активные рифмы, башня размера, заданность ритмическая размера, построения развернутых метафор – это в русле метаметафоризма, но противоречит сюрреализму и очень далеко от сюр. Мне навсегда запомнился образ капкана на щеке – я так услышал, когда Юра читал со сцены, чистый сюр, но потом я прочел текст, а там в следующих двух строках призыв про сбривание щетины на щеке. Значит – образ заключенного за решеткой с небритым лицом, вот откуда взялся капкан. Все рационально, загадки бессознательного, запредельного нет, все сказано до конца. Сюр пропал. Юра – скрупулезный безупречный стилист, создающий точные, как средневековый офорт, картины-тексты, и реально восхитительный современный автор, но я думаю, что сюр у него вызывает не более чем легкое любопытство. Это совсем не его лаборатория и не его раздражитель.

При этом стоит подчеркнуть, и об этом несправедливо мало пишется, что Проскуряков – генератор истинных мистических идей, что его мистика столь реально-сюжетна, убедительна и обильна, богата живой химией загадочных трансформаций, что читателю хочется буквально выкупаться в этом потоке тайн и красоты.

Его стихи – мрамор с дивными мирами-прожилками. А сюр – нефрит с малопонятной нетипичной полуобъемной ритуальной перспективой, с волоконным плетением структуры, в 7 раз крепче стали, известно, что нефрит единственный такой волоконный, поэтому об него ломаются альпенштоки и топоры изыскателей, хотя он хорошо поддается ювелирной обработке».

И зрение перенастраивается, поэт заново собирает себя:

*из зеркала в пространство посмотри
навек застрявший в нем поэт в законе
печальных мыслей загустевших в зоне
песком засыпанные янтари
их разбросав теперь их собери
они нужнее в шутовской короне*

*так бесится луна в ночном загоне
пока в нем не сгорит*

Мир как таковой переписывается, перенастраивается, переживается заново.

*войду в тебя на каждой полке книг
я никого на свете не жалел
весна в Крыму не хуже чем на одере
вокруг тебя застывшие на миг
следы амуrom выпущенных стрел
как липкий мед густеющий до одури
вернись ко мне в любых вершинах гор
с тобою нас никто не пожалеет
в Крыму весна крестьяне месяц грязь
подернутый войной ее простор
за зеркалом безжалостно стареет
и в небе звезды деньгами сорят
каким нам боком светят фонари
богами на участки разлинованы
нам все равно какой над нами флаг
и сохраняя медленный свой ритм
читай волошина стихи суровые
и пей вино из запотевших фляг*

«Раздробившийся в отраженьях, // Потерявшийся в зеркалах», – писал когда-то почитаемый Проскуряковым Максимилиан Волошин. Вариации на зеркальные темы Проскурякова:

*озеро обман зеркала
зеркало обман памяти
ты стоишь к ней спиной
повфнуv к отражению лицо
разглаживая на спине платье
волна сна смывает мой образ
близ видения в нем твой голос шорох камышей
шельфа акулья пасть
усеяна клюшками кенгуру
там девушка косая
на свалке ржавых медуз
пытается отмыть макияж европы
и этот ортогональный сюжет
пролетает пространство-время
купаться в безумном магритте
в земле-пингвине
на пирамиде вечной войны
добра и зла
в холоде грифельных птиц
геометрических абстракций
она идёт ко мне
покачиваясь в буше культурных заморозков*

*и когда входит в меня
моё зрение поворачивается
во тьму себя-человека*

Что ж, опять пора приниматься за дело, поэтическое дело исторической недоделанности. Паздел в книге так и называется – «Недоделанные предметы».

*осень тело молчит
смерть атомов дьяволом в деталях
в знаменателе стихов независимость чисел
и печаль
шестьдесят четыре имени бога
уже не помогают от нуля
потому что в зеркалах убог
головы моейцелей*

*там кончается москвы громаздежъ
начинается волошинская мрежа
меня омывает кислотный дождь
воспалённого жара
и проиграв...
<.....>
на языке так сладко рим
чуть-чуть не подавился император
«и лампа не горит и врут календари»
и рассыпаясь искрами харизм
ломает пропаганду перфоратор
выносит мозг сосать волшебный рим
как леденец на палочке зари*

истории тупой версификатор....

Исход в будущее уже был намечен в одном из начальных разделов книги в разделе «Праздничные фанфары»:

*....пепел падает на ковер
дети покорно глядят в телефон
будущее ждут
в тебе отражается панорама гор
которые вдалеке от лефортово
выстраиваются в череду*

*я бью свой последний эйс
даже не знаю сколько раз повернулася земля
сколько лилит умрет
пока самолет в обратный рейс
повернет крыло
заканчивая полет*

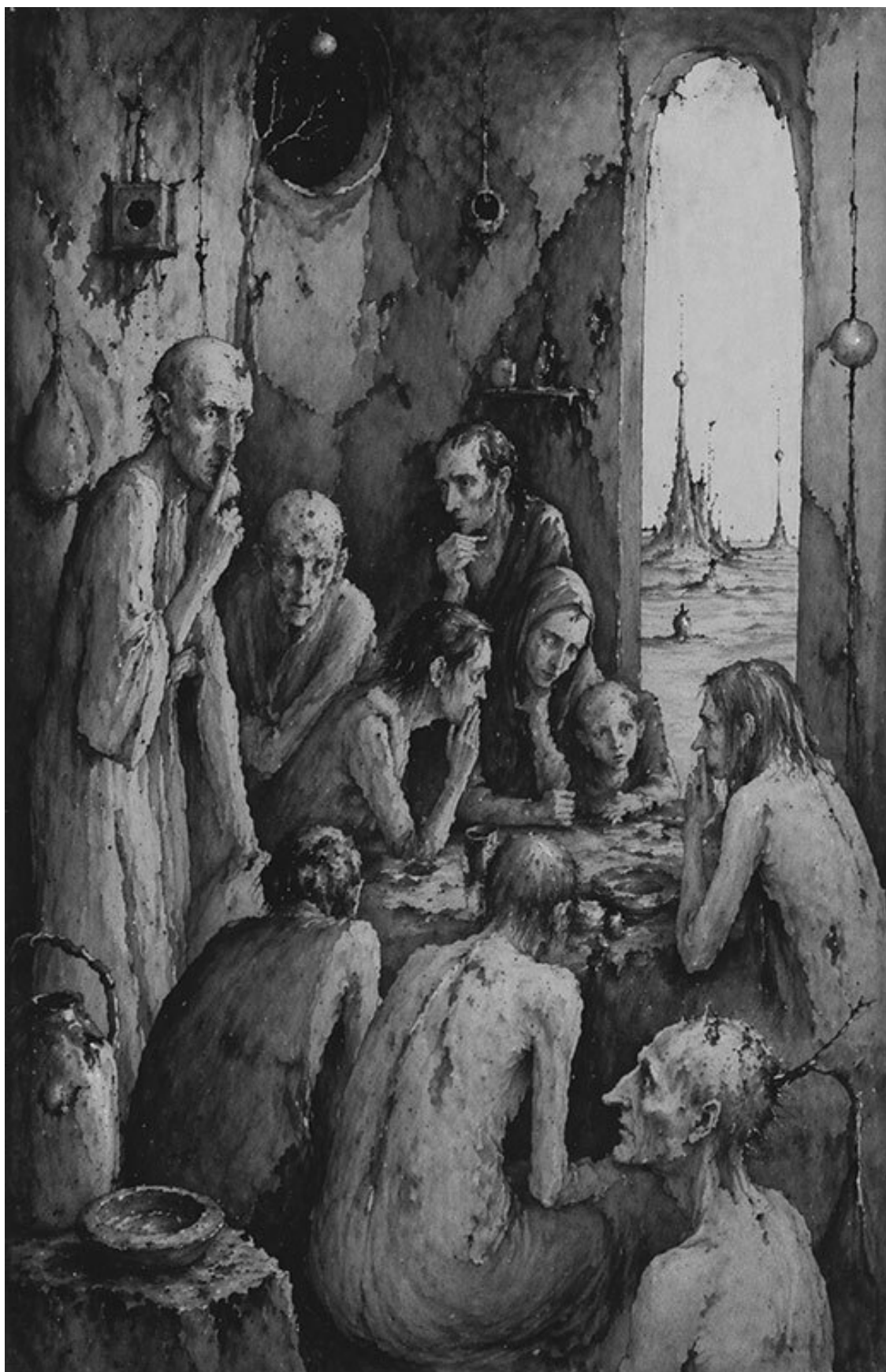
Эйс – это из тенниса, но финальный кадр фильма Антониони «Блоу-ап» («Фотоувеличения»), в котором игра с отсутствующим мячом имитируется, тут ни при чем. Такой финальный удар, благодаря которому атакующий доминирует в игре попаданием в квадрат, не позволяя противнику коснуться мяча, ощутим в действительности. Этот кульминационный момент розыгрыша дарит незабываемые эмоции, обостряя при этом интриги в ставках. Как пишет в своей трактовке позиции Агамбена Виталий Лехциер, поэтическая субъективность может быть понята только негативно, только через момент десубъективации, что через поэта всегда говорит другой субъект (например, муза в классической традиции или язык, как установила современная философия после «лингвистического поворота»). Поговорим же через принесенную тут жертву.

*Александр Люсьи,
доктор филологических наук,
профессор ГИТР*

Никому об этом не говори

*Три моих глупых свойства сложились против мет.:
Любовь к красоте
Любовь к сочинению стихов
Лирическое переживание любви
По отдельности их можно терпеть
Но вместе....
это все равно что в тюрьме писать манифест о свободе....*

Когда устанет вечер и умрет

когда устанет вечер и умрет
последний луч останется лишь шепот
твой теплый шепот у моего плеча
перематывает время назад свои бездушные мгновенья
и океан задержит бег волн
все станет загадочным
как это было в детстве
игрушечным
и в каждой вещи мне будет мниться тайный знак
вот так друзья уходят
чтобы не вернуться
они как будто здесь в соседней комнате
за невидимой стеной
стоит лишь зажечь свет
и я уйду но буду рядом
в пространстве невозможном для свидания
куда заглядывает утром солнце
где гаснет последний луч
и лёгкая волна дыхания
без утешений
без слов

В мире иллюзорно-диловинном

в мире иллюзорно-диловинном
в Венеции дожи гнезда не вьют
я не буду в письме электронном
писать я тебя люблю
и это не потому что забыл слова
и ущербный месяц вскрыл грудь
и не потому что надо сливать
в пино гриджио свою грусть
и не потому что парус накрыт волной
оставив золотой блеск вод
и не потому что весной
ты мне стала дороже всего
а просто потому что сорвал снасть
и кожа с костей
и еще потому что не надо красть
у неба его гостей

Протянул руку и спугнул птицу

протянул руку и спугнул птицу
она взлетела и остановилась в зените
мир тяготеть устал
под ней кружиться
кто-то стучит я говорю подождите
у меня пол на потолок упал

протянул руку и взял портрет
из колоды где были только дамы
самую красивую бросил на стол
прекратилась игра погас свет
режа лицо о стекла оконной рамы
я вернул местами потолок и пол

ты за жалостью не ко мне шла
сняла птицу и бросила ее мне в грудь
там где радость обнялась с печалью
теперь поют зеркала
не забудь
и начни с начала

Через стекло я выпал на балкон

через стекло я выпал на балкон
стояла ночь стеклянная пустая
бездомная собак слонялась стая
пугая зазевавшихся ворон

с балкона я перескочил на стол
где шулера на жизнь в буру играли
вокруг стола кокетливые твари
просвечивали краской ореол

я заблудился в хороводе лун
в жетонах возле банкомата роясь
и очередь в затылок перестроясь
топталась в лужах крови на полу

ах как тогда была ты хороша
красивее сюзон за стойкой бара
в фоли бержер упавшая сигара
погасла как в тот миг твоя душа

толпа пока в паденье акробат
еще был жив и пили пиво урки
пробив твой грим и тонкой штукатурки
слой у виска он выпал на арбат

в тот миг с тобой мы завернулись в снег
что таял при любом предсмертном всхлипе
ты выжила в одном коротком клипе
чтобы уснуть в заснеженной стране

я выпал из стекла и стал игрой
чтоб посылать тебе благие вести
в конце концов нам суждено быть вместе
где будет справедливость и покой

Мертвая вода чувств

мертвая вода чувств
закипая начинает жить
чтобы умереть остыв
вижу сияние глаз
юность освещает
чиновничью скуку буден
разрешение на жестокость
инкубатор заскорузлого патриотизма
недолго цветут цветы
вихрь и ночь
это пепел моих мыслей
о никогда не сбывшемся

Жизнь это музыки нестерпимый ход

жизнь это музыки нестерпимый ход
заслушался и тебя нет
это через смерть вброд
или жить во сне
кукурузный початок твоей головы
рыжая копна посреди кафе
но из дверей выплывают львы
в хаки и в галифе
каждый из монстров голодный мен
закусывает тобой не вдумываясь в ритм
а ты прости господи кармен
ну если поменять грим
я сплю в тональности ре минор
твоя рука на моем плече
официант уносит использованный прибор
на стене портрет команданте че
может я лишнего выпил или устал
или справедливости кранты
вот и музыка перестала
выстрелом в затылок

Ты вышла тусклый свет мелькал

женщина пристально в зеркале
ты вышла тусклый свет мелькал
освещая позолоту старинной рамы
уронив взгляд через плечо вглубь
так что в зрачках отразились скалы
на черных камнях белые храмы
и в тени чинар весь в плюще сруб

ты повела меня в странный мир
моряки пили пиво в таверне
на каменистой осыпи развалился пан
и музыка наполняла эфир
в лавровом венке среди звезд и терний
с менадой играл фавн

я сопротивлялся капризничал и грубил
летучие мыши падали мне на спину
ты вошла в сруб и затворила дверь
в углу фонарь в темноте коптил
я шагнул в провал и тело отринул
и не знаю где я теперь

Последний день зимы обнял меня пургой

последний день зимы обнял меня пургой
темные тени в снегу
и холода пронизывающий рентген
был вечер я пил вино не с тобой
и ласковых дев серьга в серьгу
вокруг рисовал слепой гоген

утром чувство дервнее чем труп
шевелюсь, чтобы включить бесхарт
как она плачет о менеджере своем
солнце в окне образовало дыру
в которую вопит икар
на эту жизнь давай забьем

но через тебя забыв муз
туда где сады не устают цвести
от первых ошибок до ударов в гонг
через квадраты фрамуг
я появлюсь перед тобой весь
как отцепившийся от состава вагон

Все кончится очень скоро

все кончится очень скоро
не успеет музыка доиграть
сам собой погаснет камин
временем просачиваясь сквозь поры
в клетке попугай будет болтать
куплет из Вертинского про кокаин

видимо я не умею любить
если чувства заменяют реальность
и не спасает даже цинизм
это как тифозную воду пить
или падать костью игровой
шестёркой вниз

и вывернутый наизнанку
потрохами страстей веселя
вернее чтоб поразил
уподоблюсь дорожному знаку
указывающему на пляж
янтарных окаменелостей любви

На этой планете струи тьмы

на этой планете струи тьмы
пальцы протягивают мой волос
здесь блуждают звери свёртываясь в мысль
я рисую тушью твой голос

натываюсь на родинки голубых звёзд
ощущаю уколы счастья в точках акупунктур
ты это птицы смущённый воздух
в котором растворен авгур

в омуты миндалина воспалившихся лун
поворачиваю их темной стороной к стене
испуганные травы друг к другу льнут
когда скользит по ним твоя тень

по ночам бесконечность огней
разгоняет в стекле ртуть
неизбежность уравнивает гелий
тебя не вернуть

Так хорошо не видеть не дышать

так хорошо не видеть не дышать
остановить движение
забыть язык для таинств
чтоб снова не родиться не начать
идти на звук твоё услышав пенье
в игрушки детства не играть мечтами

все кажется простым и этот снег
который возвратился в атмосферу
и щебет птахи там где был висок
и взгляд любви который не синееет
и воли нет принять его на веру
смерть или сон и снова смерть и сон

Чувств холод преодолеть в смерть

...чувств холод... преодолеть в смерть... этот сон... где все
насмешка — я клоун... последняя маска... упавшая тебе под
ноги... понимаю надо молчать... не просовывать письма в щель...
стена ластиком на другой стороне... сотрёт знаки над и... я
говорю с самим собой... но ты слышишь... это печальное
отсутствие времени... воображение... благодарность испытывать
любовь... не ожидая ответа... мы останемся на своих местах...
в неподвижном пространстве... истории врезавшейся... в реку
любви... я смотрю на тебя со дна этой реки...

Все просто сегодня идет дождь

все просто сегодня идет дождь
я люблю женщину она ничья
все просто ты не придешь
ветер шумит деревья качаются

все просто косой взгляд
в нем отражается жизнь внутри
все просто идет не в лад
никому об этом не говори

В этом мире никто не умеет любить

в этом мире никто не умеет любить
мешает необузданный нрав
и то что всегда мешает
в этом мире умеют бить
если прав ты или не прав
и цветы зла расцветают

бредешь по москве несчастнее чем рембо
походкой напоминая живой труп
и все круче кремнистый путь
ты любой из толпы любой
никому даже себе не люб
в этом суть

Мрамор руки в культурном слое

мрамор руки в культурном слое
это голос твой
это ты мне постучала в окно верхнего этажа
и не успев шевельнуть рукою
нарушившей покой
бросилась бежать

это только рука остальной мрамор
разбросан вокруг
один глаз голубой второй зелен
сфокусирован на снегах гор
в центре еврофрамуг
и ни в одном из них ни следа веселья

в этом нет утешения если только рука
пусть даже поверхность нежна
и надо зарыться в грунт
в котором вначале пепел потом река
которая мертвым уже тесна
и невозможно продолжать игру

и я вижу как расколотый сам
в играх варваров совмещен
целую на твоей руке жилку в которой бьется пульс
не верящий чудесам
и даже тебе смешон
если время измеряет полет пуль

Снег один снег

снег один снег
набивается в объем тела
в нем был сонет
но его метель съела
красная точка мишень
для осенней стрельбы
через плечо кашне
любить любых

море черно
адриатической бородой
за которой след но
ни после ни до
озорством полевых цветов
становлюсь лих
и за витком виток
скручиваю стих

ты печаль в саду
невестой заключена
где черёмух дурь
прислужников война
проламываю в снегу окно
выпасть в ад
в огненный зной
в твой на французском сад

идут карлики времён
все выше мусорная гора
и касается волос твоих лен
ветреного вчера
когда вокруг
двенадцати дев хоровод
мяч одной из подруг
в меня поднимающегося из вод

В горелку любви бросил стихи

в горелку любви бросил стихи
камнем сердца стал играть в снежки
чтобы руки согреть
ты показала свой последний хит
праздновали свадьбу несли венки
небо опустило золота клеть
но оказалась заперта дверь
за которой в больнице умирает мечта
дёрнул ручку и летишь кувырком
роковое доверие
не научило к тебе летать
по углям чувств ходить босиком
наши тени случайно не переплелись
возможно я сбился с пути
она летела за мной подобрав ключи
в старом городе было столько листьев
через которые не пройти
прошлое об этом молчит

Два блеска

два блеска
несложно соединить
тягучей растяжкой рук

одной зацепить луну
другой байкал
космическая система орошения

мечта о светлой жизни
риск окосеть
отараканиться под восточным ковром

но тогда
история обратится вспять
взвоят волком любви

на дворе весна
хлопает дверью половой активности
ты знаешь что бормочет сквозняк

психологической воронки
с надеждой что изблюёт
в черную глубину небес

адский серпантин детства

Янтарь в песке

Никто не знает остановки часов

никто не знает остановки часов
днем пусть горит фонарь на россыпи душ
к тебе тянутся миллионы невидимых рук
тыходишь суров
говоришь свою последнюю чушь
но в этом мире не существует звук

ответная любовь за сиянием безнадежных гор
спрятана в птице в яйце в игле
не ломай эту иглу
северное сияние свешивает свой узор
вино пенится на столе
и ты по – прежнему глуп

это я так сам с собой говорю
потому что к ней не тянутся провода
и станции под пропагандой ловят наркоз
что же вы березы в моем краю
девочки более бледные чем всегда
смотрите в зеркала где колюч рогоз

Эту птицу отнесло от стаи

эту птицу отнесло от стаи
и хочется закричать
чтобы взорвались уши
я твой кинофильм листаю
сгоряча
и тебя смех душит

надо поменять реквизит
и всех актрис
пусть торжествует порок
яростной луны софит
не влазит в монтажный лист
он такой же как я игрок

пиковую даму моих удач
тянешь чтобы не повредить маникюр
большое зеркало отражает зал
в котором по мне плач
не переживай это сюр
мир в пропасть упал

Из зеркала в пространство посмотри

из зеркала в пространство посмотри
навек застрявший в нем поэт в законе
печальных мыслей загустевших в зоне
песком засыпанные янтари
их разбросав теперь их собери
они нужнее в шутовской короне
так бесится луна в ночном загоне
пока в нем не сгорит

Тело на площади чудес

тело на площади чудес
и несправедный суд
множит геометрию зеркал
в воздухе ему тесно
раскачивается как будто
устал

образ витрины не ты
анalogии надо вон
сторож размахивающий топором
ослабляет винты
пока набирает разгон
бурлящий в крови ром

парусник бережет шпиль
закалывающий твою прядь
в итальянский дворец
два капитана пили
усевшись рядом
к кресту крестец

бутыль зашвырнув в портал
возможно уход
они не заметили на каблуках
качается санта марии запал
витриной кронштадтских вод
бесстрашие и страх

Войду в тебя на каждой полке книг

войду в тебя на каждой полке книг
я никого на свете не жалел
весна в крыму не хуже чем на одере
вокруг тебя застывшие на миг
следы амуром выпущенных стрел
как липкий мед густеющий до одури

вернись ко мне в любых вершинах гор
с тобою нас никто не пожалеет
в крыму весна крестьяне месят грязь
подернутый войной ее простор
за зеркалом безжалостно стареет
и в небе звезды деньгами сорят

каким нам боком светят фонари
богами на участки разлинованы
нам все равно какой над нами флаг
и сохраняя медленный свой ритм
читай Волошина стихи суровые
и пей вино из запотевших фляг

Озеро обман зеркала

озеро обман зеркала
зеркало обман памяти
ты стоишь к ней спиной
повернув к отражению лицо
разглаживая на спине платье
волна сна смывает мой образ
блик видения
в нем твой голос
шорох камышей

После выстрела отдает ствол

после выстрела отдает ствол
тело твое утрачивает тень
катится шариками ртуть
градусник падает на каменный пол
и проницаемость стен
образует вертикальный путь

ты обещала подарить двойника
чтобы был точно такой как я
но стала птицей на острие луча
ушла не сказав пока
качнулась маятником твой маяк
невидимая моя часть

остался должен ловлю упрек
это даже не пьяный сон зеркал
когда гены разводят сталь
снайпер поправил прицел и лег
и тебя отразила река
моя печаль

Упал апельсин в рассвет

упал апельсин в рассвет
фиолет впитала земля
кумач окрасил гранит скал
так прошли тысячи лет
высохли пирамидальные тополя
Карфаген пал

мы сидели в рассоле слов
залитом в экранный глаз
где неуместен гнев
метрономом покачивался брелок
и вспыхивал в нем алмаз
навсегда уходящих дней

Лета и ни куку

лета и ни куку
зачем это твоей судьбе
войду в зеркало старику
плакать ли о тебе
а в известняке вода
пеплом райских куц
и прошлого ни следа
тебе так лучше
ты и раньше могла быть там
с отверткой в лице
теперь только чаек гам
набережная невы лицей

Кривым зеркалом озеро встает с колен

кривым зеркалом озеро встает с колен
злые голодные осы
дохнут нет способа из него пить
здесь трибунал не поставил стен
чтобы через совести разрушенной сыпь
дух матахари начал мстить

смертельный бой прыгалки крутит шнур
возможно не в кость артикул
не поделить кубики на двоих
и не сходятся номера агентур
в веселухах где мины тикают
и царь морской псих

Шельфа акуля пасть

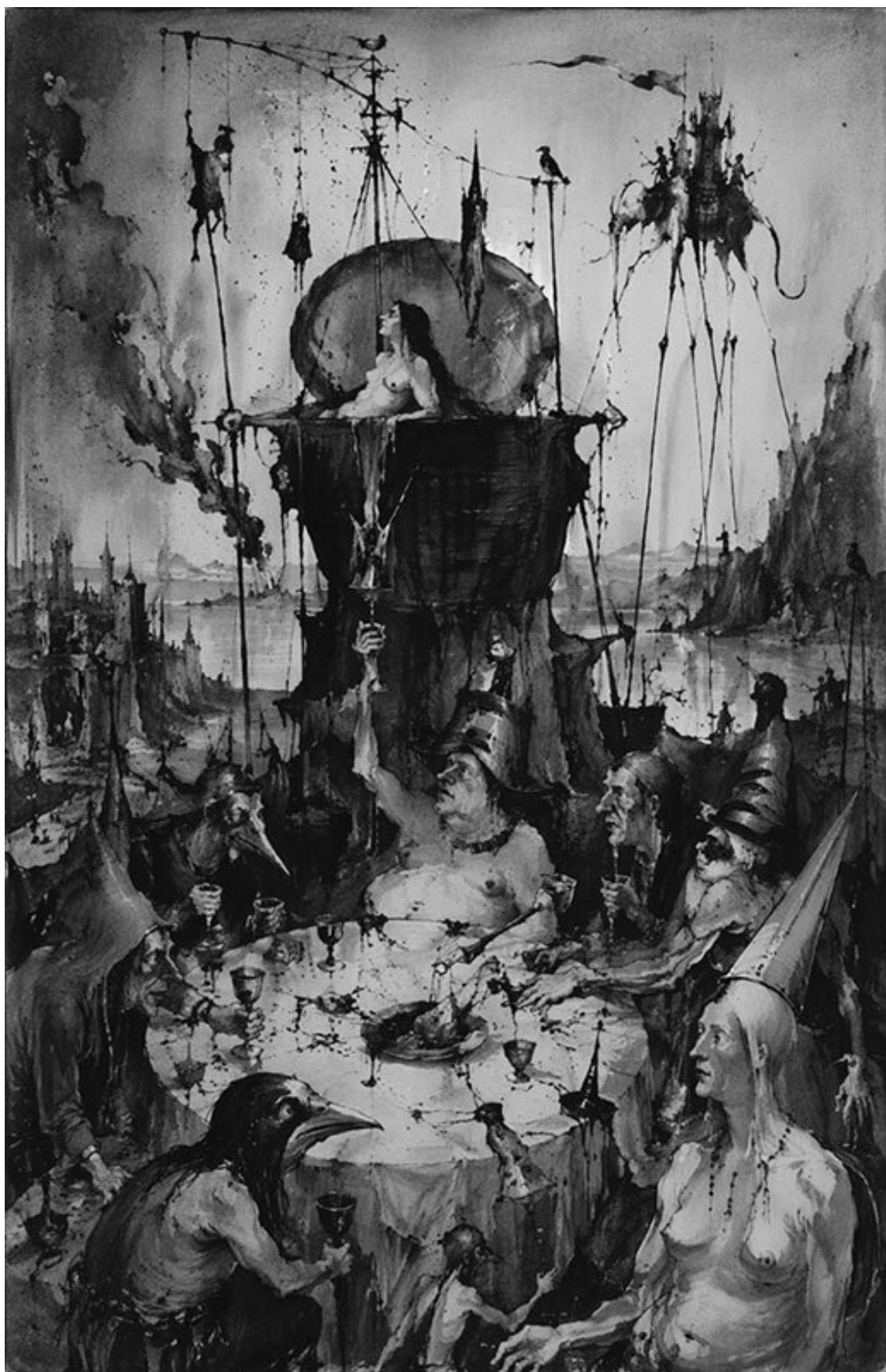
шельфа акуля пасть
усеяна клюшками кенгуру
там девушка косая
на свалке ржавых медуз
пытается отмыть макияж европы
и этот ортогональный сюжет
пролетает пространство-время
купаться в безумном магритте
в земле-пингвине
на пирамиде вечной войны
добра и зла
в холоде грифельных птиц
геометрических абстракций
она идёт ко мне
покачиваясь в буше культурных заморозков
и когда входит в меня
моё зрение поворачивается
во тьму себя-человека

Патоку на телевизор

патоку на телевизор
в цветы компьютер
в огонь луну
зеркало отразит харизму
кокон мумии ритор
возвратит сну

и вот он за перегородкой
в завал звал
как устоять
когда над огнем лодка
у виска самопал
прямо у виска блядь

Праздничные фанфары

Московский год начинается с панихид

московский год начинается с панихид
под землей бредит метро
ты пиво пьешь запрокинув бутылъ
в компьютере поет джемма халид
увидеть тебя не хватило б роз
замостить тропу через океаны миль

пепел падает на ковер
дети покорно глядят в телефон
будущее ждут
в тебе отражается панорама гор
которые вдалеке от лефортово
выстраиваются в череду

я бью свой последний эйс
даже не знаю сколько раз повернулась земля
сколько лилит умрет
пока самолет в обратный рейс
повернет крыло
заканчивая полет

Сегодня ты последний панк-рок

КС.

сегодня ты последний панк-рок
завтра тебя вяжут за героин
ты быстро забываешь такой урок
в тебе вращается ян и инь

сорок четыре такой кайф
важно что не тридцать семь
если кранты собой играй
в игре нет запрещенных тем

мертвому даже выпить влом
афишами в грязь на мостовой
смотрю на тебя в горле ком
потому что мир кривой

Надежда это слабость когда не стоишь на ногах

надежда это слабость когда не стоишь на ногах
ты вопросительный знак
невидимостью ловитв
звездой по лицу и горят стога
слезы лип падают на барак
острее бритв

литавры похорон это конец войне
кое-кто остался в живых
возле пивного ларька в колясках на костылях
иду к реке по колкой стерне
неразоблаченный псих
напевающий труляля

надежда это разрез вдоль лица
половины с любым дают ответ
отвес бы поставить на такой фотошоп
а раз так пусть будет война до конца
пока тени мертвых не заслонят свет
и режиссер мира не скажет стоп

Я шел к тебе в брэнчании гитар

я шел к тебе в брэнчании гитар
в набегах волн далекого залива
ты просто ферзь метисного разлива а
я твой друг – бродяга и кентавр

мы обнялись зарытые в саду
и низко шел над нами истребитель
сидел в воронке каждый местный житель
и телевизор нес белиберду

на миг соединенные в каркас
с конями к нам неслись гардемарины
и в погребках старинных клавесины
пытались влезть на юный контрабас

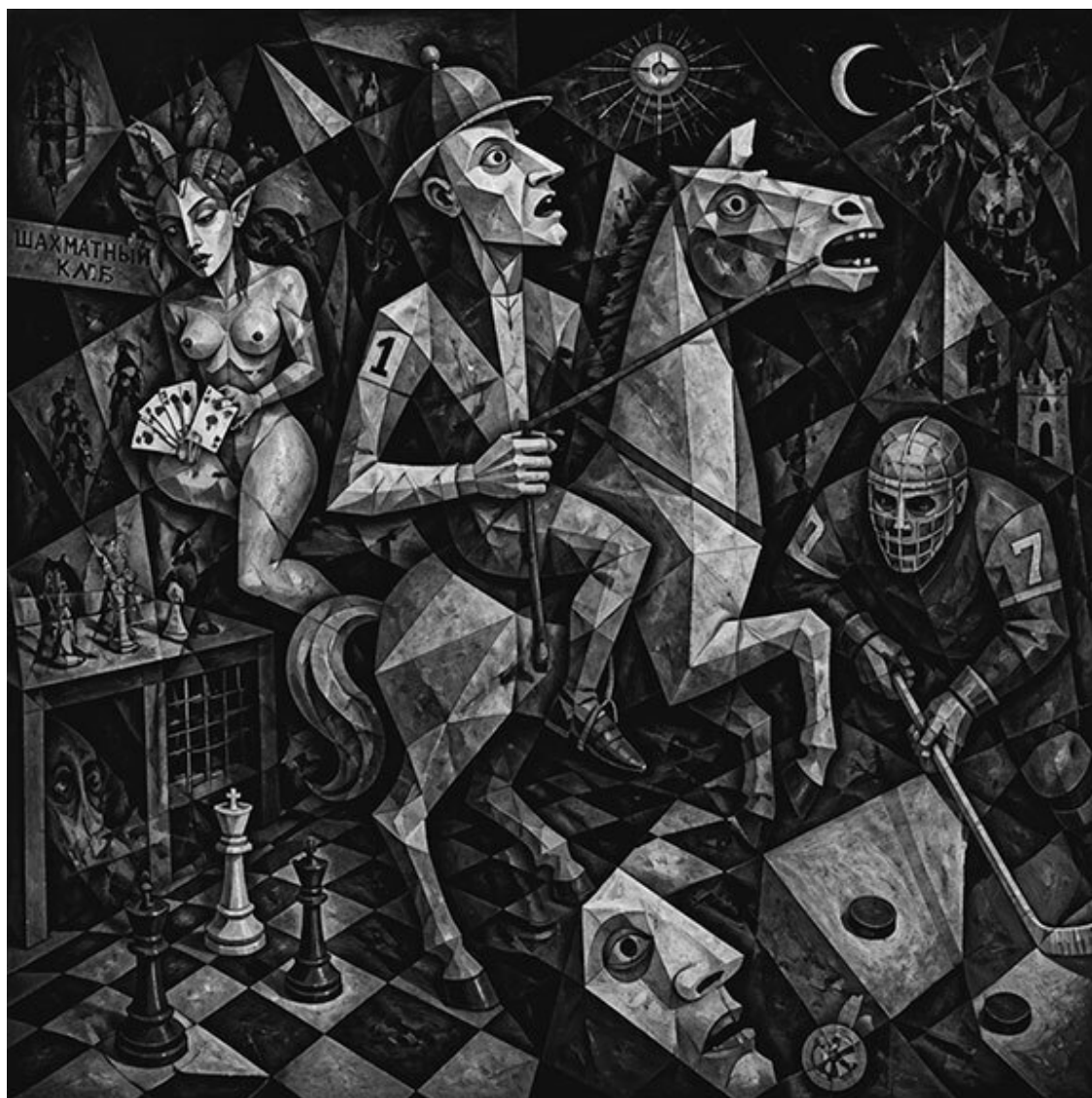
но это было только до поры
до ежегодных празднований марта
когда валы восторга и азарта
транслировались в смежные миры

над миром полусонным южный крест
торчал в зените точно из могилы
и заменив Кассиопеи вилы
двусмысленно указывал зюйд-вест

зачем я вам про это рассказал
про эту ферзь и старого кентавра
про их любовь среди густого лавра
когда им отказали тормоза

как будто я гроссмейстер и жокей
и вырос в недрах шахматного клуба
и по ночам волшебная суккуба
со мной играет в карты и хоккей

и это чтобы подтвердить союз
сюрреализма с новой панк-культурой
мне вечно спать теперь с московской дурой
пока играет негритянский блюз

Ты нумидийский алмаз в горах атласа

ты нумидийский алмаз в горах атласа
играешь белым песком гримас
не верю тебе
потому что исчезла раса
точнее она впиталась в нас
как в легкие голубой асбест

залетела куклой в фарфор
в самоцветов россыпь в модель тщеславия
которую не излюбить вдым
закрою глаза на люминофор
твоего заглавия
я молчаливый мим

в роли ты нежный газ
вокруг головы свечение
создающее мизансцену пустот
по отмашке взорвался джаз
и под глазами тени
страстной кистью ведет эрот

бежишь сумасшествием тротуар
и черные ангелы сыгранных душ
факелами на тверской
в камергерском звон гитар
не станешь слушать
театр закрыт пора домой

Бандерильей заколола пучок волос

бандерильей заколола пучок волос
локтем накрутил дыма хвост
на площади от страха смешной и плоской
бескровное солнце взвилось
история круто сведения месит
артефакты черепки костяки
нескончаемых предков мечь
сдохнешь от тоски
но надпись на неизвестном языке
слаще меда поэту на вкус
так беззвучно играет ее оркестр
пока парус волну прикусывает
закат мой корабль спалит
я на миносе не оставляю след
выучу турецкий забуду иврит
и чернофигурных ваз бред
там из загришков у быков торчат ножи
знак предвещающий исход
на адриатический берег волна набежит
мы уснем под нескончаемый голос вод

Когда падаешь в могилу отчаяния

когда падаешь в могилу отчаяния
кому-нибудь хочется завещать венец
но ты кокетливо пожимаешь плечами
и обсасываешь луны леденец

этот звук в зубах скрипичный и розовый
букетом роз заверну в кирпичей рай
ночь на мостовой окон отбросы
и любовь никогда вчера

Поставят выпить закусить

поставят выпить закусить
пойдешь на улицу просить
сыграй мне баха
там в свете фонарей и фар
не слышно праздничных фанфар
и липнет к телу потная рубаха

там соревнуются кто злей
ты в ней убитой не борзей
она в тебе застыла несчастливой
поставлю пленку под корунд
всего-то несколько секунд
и на костях откроются архивы

в конце аллеи встанет бог
и скажет я вам дал что мог
что ж вы наделали засранцы
вон даже ангелы и те
теперь блуждают в темноте и
духи зла танцуют свои танцы

Смотреть на силуэт гор

смотреть на силуэт гор
и сочинять музыку
медленнее чем смерть во время соития

слушать говор воды
и писать портрет
умершей любимой среди неживых цветов

складывать кубики снов
подбрасывая их в огонь разочарования
балансируют над пропастью

просто в воздухе
или на паутине
очерчивающей обманчивый круг

круг моря
чемодан
пену белья

крики чайек пронизывающие мозг
луна и солнце две линзы
в фокусе которых только ты

олива впечатанная в силуэт гор
песня печали
эхо нашего шепота и крика
и музыка

Медленнее чем смерть во время соития

медленнее чем смерть во время соития
когда оживают камни
и ступни приносят извинения травам
и путь кажется легче тополиного пуха
и хочется вернуться
пройдя через порталы картин
которые так и не удалось написать

прихожу в себя на скамье в саду
которая вместе с садом
уносится наводнением
любви и надежды

Любовь это не для земли

любовь это не для земли
листья еще не начали распад
но ты за меня помолись
чтобы спокойно спал

ну и что что плейбой
в ореоле злых пересуд
на связке удерживаюсь тобой
пока нас пасут

из тусовки выходишь в газ
никому не нужный почти предмет
не прекращающихся проказ
бью себя в грудь говорю поэт

а ты про ленина и про дада
а я про Шекспира и сонет
левиновский шпарит по клавишам как всегда
и в витринах твой модильяневый силуэт

Плачь обо мне я река твоих слез

Памяти Джулии Лондон

плачь обо мне я река твоих слез
брошенной луной не утонуть
ветви целуют всплески звезд
и поет сумасшедший дрозд з
вук опустив ко дну
моим голосом тебя зовет

откликаюсь ручьем гор
бурным холодом страсти
разбей о камни простой мотив
вселенная это звуков сор
один раз накатит
и каждый миг красив

вот и все и скамья в саду
где японская вишня цвела
луна смешала лепестки и снег
вечно в тебе иду
по острым камням зла
в глубоком сне

Что делается с людьми

что делается с людьми
уйду в свободный полет
партнер все равно не поймет реприз
а он решил не хамить
пьет и пусть себе пьет
пока не сядет с гитарой на карниз

уж лучше потрошить птиц
масло на гадальные камни лить
пока тьма не растворит силуэт
бодрствую хотя столица спит
валера агафонов поет калитку
и я забываю что нас с ним нет

скучно потому что не идет снег
чтобы у черного побелел подбой
может и я не мастер и она не та
что мотыльком полетит на свет
нам остается честная хвоя
когда снимают с креста

Океаном цивилизных бурь

океаном цивилизных бурь
без парашюта рука в руке
водоросли волос вверх
тебе фиолетово куришь дурь
тихо играет блюз оркестр
любовь заглушает рев помех

эгрегор перелистал листву вер
и театр и кукольный бред
прану катарсисом вернул
клетками пластмассовый офицер
режет коней в удавках дред
и ты доски перевернул

маски оглуляют тупики дорог
крысами грызут млечный путь
либо огонь либо пустота
не обняв небоскреб твоих ног
тону в видениях не могу уснуть
все эгрегоры перелистав

подо мной туша земли а над
не расцепляя рук
мы пролетаем ледяной рай
и мультяшный сад
и когда выплачешь печаль разлук
прощай

На сковорододре все сошли с ума

на сковорододре все сошли с ума
веселые скользили друг на друге
иные при деньгах курили мак
другие танцевали буги-вуги

невыдержанных забрала волна
повесив на луне бамбук веселья
в биток шпаной резвился сатана
и Аллы Пугачевы хором пели

всех посылал хромой вожак вуду
в темницах мучить или грабить лесом
ему несли шампанское во льду
впоследствии назвали это квестом

и в самом центре безобразных игр
царевне-лебедь разбирая платье
балетом испоганенный сатир
пытался заключить её в объятья

Человеческие существа на удивление убоги

человеческие существа на удивление убоги
щепки на мутной поверхности жизни
закону инерции подчинены
ты застряла в камнях в дорогой пироге
если можешь хотя бы свистни
не надеясь на помощь волны

я обниму тебя в музыкальный туман
зазевавшемуся пастуху так не снилось
в шелковые ласки в латы чувств
головы моей грезами дымящий кальян
жизни лавой излив милость г
ромом аплодисментов в вулкан ввинчу

и тогда не говоря и даже не протянув руки
ты согласишься с любопытством как в первый
азбукой морзе своего таланта кичась
полной гаммой на палитру упал акрил
в груди начал вращаться алмаз
искрящая зажигания свеча

Кто сунулся в жизнь

кто сунулся в жизнь
нечего ждать кроме той за спиной
как бы красиво ни играл джаз
купола перевернутых корзин
мимо которых мы прохильнем
притянут за контрабас

так ждет поворота вал
взлетела и крылья пень
мечта – где грязь
где в прошлое перевал
которое нас берет в плен
временем пролетевшим зря

кафе прозрачнее медуз
в электрический погружено пар
и ты искусственными ногтями украсив стол
над городом что исчезает внизу
листаешь Набокова дар
роман медленный как приговор

Эта дрожь неизбежного

эта дрожь неизбежного
этот страх оказаться где мечтал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.